

РИМ. РОЖДЕНИЕ ГИПЕРВИЗУАЛЬНОСТИ ИЗ ДУХА ГЕОМЕТРИИ И ОПЕРАЦИИ CTRL PAST

Веселова Светлана Борисовна

*Выпускница философского ф-та СПбГУ. Дипломантка курса
European Studies в Corvinus University Budapest 2005.*

*Исследует вопросы мегаполиса в европейской цивилизации
и глобальной информационной сети. Основатель и куратор
международной интеркультурной программы Art Locus Transit.*

*Член Международного союза историков искусств
и художественных критиков (АИС), РФ, г. Санкт-Петербург
e-mail: artlocustransit@mail.ru*

Аннотация. В контексте современного сенсорного поворота в архитектуре от «сильных» к «слабым» образам, от монументальной гипервизуальности к тактильному многочувственному проживанию интересно отследить момент появления гипервизуальности в европейской цивилизации. На протяжении хода европейской культуры мы могли бы проследить увлекательную историю развития и самоотрицания доминант ее визуальной репрезентации. Всегда ли зрение было привилегированным органом восприятия истины или реальности мира? В статье анализируется, каким образом античный Рим создал среду сверхвидимости в городе монументов и сетевой империи дорог.

Ключевые слова: город, человек, культура, гипервизуальность, сенсорный поворот.

Доминирование зрения среди прочих органов чувств инспирировано мышлением и есть дань римской античности и возрожденческой традиции перспективного изображения и восприятия. Но всякое подлинно человеческое восприятие многочувственно, человек контактирует с миром еще и через кожу, уши, нос, язык, позвоночник и мышцы.

Юхани Палласмаа,
финский архитектор, культуролог [2].

Разговор о довлеющей визуальной коммуникации особенно интересен в контексте ухода современного актуального искусства от визуального, будь то архитектура, скульптура, изобразительное ис-

куство. Архитекторы и художники начинают работать с чувствами на грани исчезновения или вообще по ту сторону визуальных практик. В контексте напряженной поляризации визуальных практик – гипервизуальности массовой культуры, с одной стороны, и уходе от визуальности в актуальном искусстве и строительных практиках, с другой стороны, мне бы хотелось отследить момент появления доминирования визуального принципа в европейской культуре. Также хотелось бы рассмотреть сложившуюся ситуацию гипервизуальности городского пространства не как свалившийся с неба продукт информационной революции, а наоборот – саму гипервизуализацию среды изучить как результат многовековой эволюции становления городского пространства, античных принципов и образцов, заложивших основы и развитие европейской цивилизации. Заметим, что визуальный принцип не всегда был доминирующим в культуре. На протяжении хода европейской культуры мы могли бы проследить увлекательную историю развития и самоотрицания ее визуальной репрезентации. Всегда ли зрение было привилегированным органом восприятия истины или реальности мира? В такой постановке проблемы нас будут интересовать:

- 1) сенсорное измерение городского пространства в античности;
- 2) сенсорные стимулы в архитектуре и строительстве античного города.

Одним из первых, кто говорил о сенсорном измерении города, был Аристотель. В «Политике» он вводит понятие меры. Мерой определяется количество жителей полиса. Дабы избежать перенаселения, избыточное количество жителей должно уезжать и основывать колонию. Но что же является мерой полиса? Слышимость и знание лиц сограждан. Таким образом, сенсорным измерением полиса выступают слух и узнавание друг друга. Публичная жизнь полиса гораздо более настроена на созерцание, будь то ареопаг, агора и даже театр, чем на зрелище.

Хотя греки и были протагонистами геометрической идеализации, задав идеальные границы расплывчатым морфологическим формам, однако, греческий мир все еще настроен на ориентирование посредством мест, движение между особенностями мест и состояний. Таковы Геркулесовы столбы и лежащий где-то на Бал-

канах вход в Аид, таков небесный купол, поддерживаемый Полярной звездой. Геометрия здесь еще только упражнение в дедукции, поиске определенного и логически связанного знания и определение границ его применения в мире неопределенности. Надпись «Не геометр да не войдет» на фронтоне платоновской Академии лишь маркирует место, отличное от рынка или храма, место, где ход геометрического рассуждения должен инспирировать философский поиск. Геометрия еще не превратилась в универсальное законодательство, определенности которого должен быть подчинен весь мир. Как показывает Жак Адамар (на это интересное замечание Жака Адамара ссылается Юхани Палласмаа [2, с. 109]), «во времена эллинизма греческая наука утратила свое творческое начало из-за слишком большого стремления к точности. Несколько поколений этого периода преуспели в вычислениях и черчении, но и только. [...] И развитие геометрии прекратилось вообще». В Римской империи геометрия уже становится способом экспансии и овладения миром, превращением чужого в свое, что выразило себя в «Таблицах права» – законодательстве по строительству грандиозной сети дорог империи. «Таблицы права» регламентировали ширину дорог на прямолинейных и криволинейных участках, а также способ кладки их поверхности. «Если греки при основании городов особенно удачно достигали цели в стремлении к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородию почв, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания вообще – о постройке дорог, водопроводов, клоак» (Страбон. География [3]). Рим – это не столько соотношение мест, где протекала общественная жизнь, сколько проложенная под прямым углом система дорог, трассирующих города и ландшафт.

В римском *цивитас* главная роль принадлежала активности зрения и, как известно, «зрелищам». Латинский термин *ciuitas*, по свидетельству Бенвениста, не имеет ничего общего с греческим *polis* и обозначает совокупность, множественность, смесь. Действительно, Рим возник из смеси латинян, альбийцев, троянцев, этрусков. Рим – прежде всего военный лагерь, готовый к нападению, захвату, а не оборонительная крепость (как полис, кремль, бург). В основе градостроительного плана Рима лежит не круг, а крест (символ

гораздо более древний, чем христианство). Крест – нечто стремящееся прежде всего к территориальному расширению, экспансии, а не к ограничению, селекции, культивированию и удержанию своих границ [1, с. 237]. Здесь такие публичные пространства, как агора, стадион, театр, уступают место форумам и циркам, на которых главная роль отведена не слушанию и созерцанию, а зрелищам. Организация империи как системы перекрещивающихся под прямым углом дорог, продолжающих центральные улицы каждого города *cardo maximus* и *decumanus maximus*, также сделала визуальность главенствующей. Структурообразующий элемент римского города – крест, образованный улицами, идущими с севера на юг (*cardo*) и с запада на восток (*decumanus*). Планировка большинства древнеримских поселений была прямоугольной и строилась вокруг перекрестка, образованного этими улицами.

Любой город Римской империи был актуально и потенциально видим, поскольку был включен в систему магистралей, по которым циркулировали богатства, знания, слава. Отсюда крылатое выражение *via est vita*, «дорога есть жизнь». Завоевать для римлян – значило проложить в чужой местности свои пути. Прямолинейный ход улиц города Рима и дорог империи обеспечивал сквозную просматриваемость и досягаемость. Почтальоны, гонцы, легионеры перемещались по прямоугольной сети улиц города, переходящих в такие же дороги в ландшафте. Эта сеть состояла все из тех же пересекающихся под прямым углом *decumani* и *cardo*, которые легли некогда в основу возникшего на периферии Этрусской цивилизации военного лагеря Рим. И по сей день на территории Франции и южной Германии можно проследить следы этой циклопической шахматной доски бывших римских дорог.

В отличие от замкнутого круга полиса, архитектурное пространство римского города уходит дорогами в ландшафт. Вместо греческой традиции симметрии и замкнутого круга (порядок – Космос, пропорциональность, гармония, тавтология, причины и следствия – Эдипов цикл) здесь изначально властвовала концепция линейного движения, линейного представления о существовании. Марширующие римские легионеры здесь знали больше, чем философы. Вплоть до II в. Рим был «открытым городом», то есть по-

стоянно рос, менялся, не имея необходимости возводить городские стены для защиты от вмешательства. Четырнадцать округов, основанных Августом, оставались схемой городского управления, но его внешние границы постоянно менялись. Уже в тысяче шагов от зданий городской окраины располагалась таможня [4, s. 189]. Характер этой границы был чисто условный. Экстравертный характер Рима устремлял его вовне себя, вслед за убегающими в ландшафт дорогами. Именно создание сети дорог империи, а не обустройство мест внутри города стало структурообразующим для Рима.

Для того чтобы заставить вращаться метрополию вокруг своей орбиты, Рим должен был стать *ogbs* – изгибом, вогнутостью щита, колесом фортуны, глазной впадиной. Иначе говоря, необходимо было согнуть сеть отношений, образовав вогнутость, впадину, заставить коммунальную сеть *видеть*. Именно Рим сделал принцип видения конституирующей моделью для всей Европейской культуры. Так знание должно было быть основано на наблюдении, власть – на надзоре, желание – на подсматривании.

Афины раскинулись вокруг выпуклости холма, на котором размещался Акрополь, призывавший внимать власти как голосу/логосу свыше. Здесь сущее выстраивается по степени восхождения в логосе. «Рим – город на семи холмах», он строился как сеть наблюдательных пунктов и укреплений. Иначе говоря, если греческий *polis* был лабиринтом уха, слушающего голос свыше, то Римский *ogbs* – принципом зрения как такового – того, что зрит. Рим – империя глаза, который видит вперед, вдаль, в перспективу, устремляясь в мифическую точку, которую нельзя вообразить без переноса за границу видимого, где Рим уходит из Рима, воплощаясь в Константинополе, Москве (да какая европейская столица не пыталась отстроить себя Римом?), рискуя иссякнуть в экспансии. Если *Agoropolis* слышит и созерцает свое ограниченное и выстроенное статуарное тело, то форум Романум зрит, пытаясь схватить границы.

В главе «Камни Ангелы и Люди» французский философ и писатель Мишель Серрс [6] подмечает интересную особенность разрастания Римской империи при помощи процедур *Ctrl C* и *Ctrl V* – «копировать» и «вставить», как сказал бы современный пользователь компьютера. Пересекающиеся под прямым углом *decumani* и *cardo* составляли основу и каждого нового города римской импе-

рии. Точка пересечения осей этих улиц играла роль центральной площади колонии. Прямоугольное расположение частей города и самих городов относительно друг друга стало концептуальной системой, положенной в основу римских городов. Везде, где Рим – город и империя растет, его невероятное тело повторяется. Рим является уникальным многочастным телом, каждая новая часть которого может быть образована копированием любой предыдущей. Даже если рядом возникал новый город, главные улицы уже существовавшего города *decumani* и *cardo* переходили в главные улицы нового, пронизывая систему городов и соединяя их в единый город-империю. Улицы города и дороги страны в Риме – одно. Городские центры на пересечении *decumani* и *cardo* становились узлами в гигантской сети дорог империи. Среди городов, в основе которых лежит римский образец разметки улиц – Турин, Верона, Лондон, Лион, Париж, Вена, Кельн. Все они хранят след своего прошлого – крестообразную печать Римской империи.

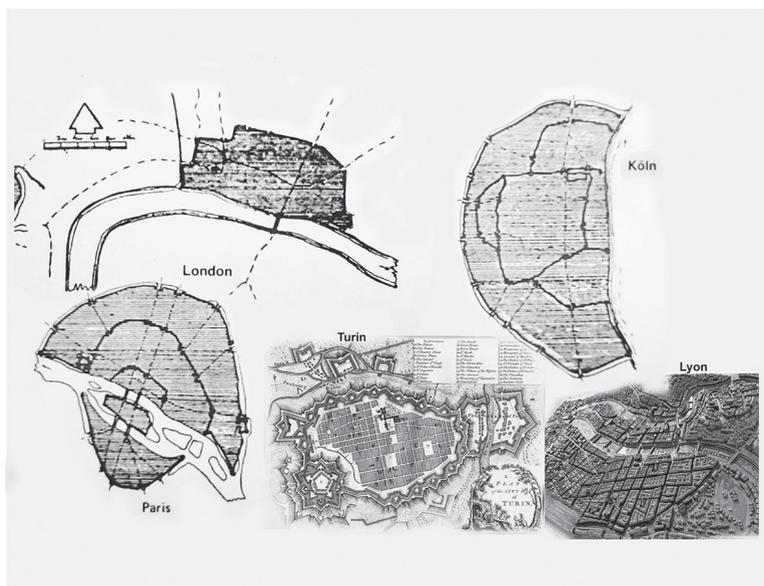

Рис. Крестообразная печать Римской империи – римский образец разметки улиц

Английский социальный философ Герхард Деланти [5, р. 83], ссылаясь на работы Гадамера, Кристевой, Дерриды, замечает, что Европа – это не место. Если мы стали считать колыбелью своей культуры античность и Рим, то это как раз-таки потому, что Рим принципиально ничего не изобрел, но научился передавать другие культуры. Римский тип знания – заимствование из источников – ассоциируется с формой культурного перевода, в которой что-то новое всегда создается в акте интерпретации. Европейский способ понимать что-то – это копировать, переписывать, транслировать. В основе европейского сознания лежит феномен вторичности с известным пренебрежением к тому, что манифестируется как акт творения, в котором культурное содержание никогда не является копией.

Уникальный рост Рима, который осуществлялся копированием и многократным повторением своих же собственных фрагментов, сделал город империей. Но не будем забывать, что и сам Рим пытался стать копией античного полиса. В архитектурном смысле Рим – это коллекция, чудовищный спорадический конгломерат красивых построек, спорадический ансамбль. Римская архитектура лишена самобытного формотворчества. Это чистое рациональное репрезентирование форм и конструкций, заимствованных из эллинской традиции. О степени рационализации римской архитектуры может свидетельствовать «Десять книг об архитектуре» Витрувия, где искусство архитектуры сводится к эстетике числа. Рим – это набор, как бы мы сегодня сказали, постеров, щитов и личин. Для Рима характерно исключительное восхищение поверхностями. Возникнув как ремикс эллинской культуры, он породил необычайное искусство копий греческих статуй, греческой архитектуры, мифологии и т. д. Искусство Рима – это искусство фасада. Площадь перед римским Пантеоном организована как наложение декораций. Невозможно найти угол зрения, с которого бы Пантеон открывался как стереоскопическое тело. В отличие от Парфенона, расположившегося на высоком холме и обозреваемом из любого уголка Афин, Пантеон организован по принципу ширм, экранов и эффектов.

Таким образом, Рим, действительно, стал причиной рождения Европы, а значит и всей западной культуры. Он создал пространство для зрения и задал принцип зрения доминирующим, а видение –

конституирующей моделью для всей Европейской культуры: знания (наблюдение), власти (надзор), желания (подсматривание). Рим изобрел непревзойденное искусство городских поверхностей, архитектурных ширм и декораций, послуживших прообразом современных рекламных щитов. Рим создал искусство копирования. Разрастаясь благодаря многократному повторению своих же собственных фрагментов, сетевой город-империя сохранил в себе исходный заряд к бесконечным трансформациям и возобновлению, заложив диалектику развития и самоотрицания визуального принципа как конституирующего в культуре.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист / пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс–Универс, 1995. – 456 с.
2. Палласмаа Ю. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / Ю. Палласмаа / пер. с англ. М. Химанен. – М.: Классика XXI, 2013. – 176 с.
3. Страбон. География. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1267762669>
4. Benevolo L. Die Stadt in der europdischen Geschichte / L. Benevolo. – Munchen: C.H. Beck, 1993. – 305 s.
5. Delanty G. Inventing of the Europe / G. Delanty. – London: Macmillan, 1995. – 183 p.
6. Serres M. La legende des Anges / M. Serres. – Paris: Flammarion, 1999. – P. 115–139.

ЭРГОНИМЫ КАК СРЕДСТВА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА

Исмаилова Алия Ринатовна

*ассистент Казанского (Приволжского) федерального
университета, Россия, г. Казань
e-mail: ismalisha@mail.ru*

Аннотация. Исследование лингвистического ландшафта вызывает интерес у ученых, так как он выступает средством визуальной коммуникации и отражает лингвистические интересы современного социума. Эр-